

НАШИМ ДЕТЯМ

№ 1

О потерянном времени

Жил-был мальчик по имени Петя Зубов. Учился он в третьем классе четырнадцатой школы и все время отставал и по русскому письменному, и по арифметике, и по пению даже.

— Успею! — говорил он в конце первой четверти. — Во второй я всех догоню!

А приходила втёрая — он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал — и не тужил: все «успею» да «успею».

И вот однажды пришел Петя Зубов в школу, как всегда, с опозданием, вбежал в раздевалку, шлепнул портфелем по загородке и крикнул:

— Тетя Наташа, возьмите мое пальтишко!

А тетя Наташа спрашивает откуда-то из-за вешалки:

— Кто меня зовет?

— Это я, Петя Зубов, — отвечает мальчик.

— А почему у тебя сегодня голос такой хрипкий? — спрашивает тетя Наташа.

— А я и сам удивляюсь, — отвечает Петя. — Вдруг охрип ни с того, ни с сего.

Вышла тетя Наташа из-за вешалок, взглянула на Петя да как вскрикнет:

— Ой!

Петя Зубов тоже испугался и спрашивает:

— Тетя Наташа, что с вами?

— Да, ничего... — отвечает тетя Наташа. — Вы говорили, что вы — Петя Зубов, а вы на самом деле, должно быть, его дедушка.

— Какой же я дедушка? — спрашивает мальчик. — Я — Петя, ученик третьего класса.

— Да вы посмотрите в зеркало! — говорит тетя Наташа.

Взглянул мальчик в зеркало и чуть не упал. Увидел Петя Зубов, что превратился он в высокого, худого, бледного старика. Выросли у него седые усы, седая окладистая борода. Морщины покрыли сеткою лицо.

Смотрел на себя Петя, смотрел, и затряслась его седая борода.

Крикнул он басом: «Мама!» и выбежал прочь из школы.

Бежит он и думает:

«Ну, уж если и мама меня не узнает, тогда все пропало!».

Прибежал Петя домой и позвонил три раза.

Мама открыла ему дверь.

Смотрит она на Петя и молчит. И Петя

молчит тоже. Стоит, выставив свою седую бороду, и чуть не плачет.

— Вам кого, дедушка? — спросила мама, наконец.

— Ты меня не узнаешь? — прошептал Петя.

— Простите — нет, — ответила мама. Отвернулся бедный Петя и пошел, куда глаза глядят.

Идет он и думает:

«Какой я одинокий, несчастный старик. Ни мамы, ни детей, ни внуков, ни друзей.

И, главное — ничему я не успел научиться. Настоящие старики — те или доктора, или мастера, или академики, или учителя.

А кому я нужен, когда я всего только ученик третьего класса? Мне даже и пенсии не дадут — ведь я всего только три года работал. Да и как работал — на тройки да на двойки. Что же со мной будет? Бедный я старик! Несчастный я мальчик! Чем же

все это кончится?».

Так Петя думал и шагал, шагал и думал, и сам не заметил, как вышел за город и попал в лес. И шел он по лесу, пока не стемнело.

«Хорошо бы отдохнуть», — подумал Петя и вдруг увидел, что в стороне, за елками, белеет какой-то домик.

Вошел Петя в домик — хэзяев нет. Стоит посередине комнаты стол. Над ним висит керосиновая лампа. Вокруг стола — четыре табуретки. Ходики тикают на стены. А в углу горой навалено сено.

Лег Петя в сено, зарылся в него по глубже, согрелся, поплакал тихонько, вытер слезы бородой и уснул.

Просыпается Петя. В комнате — светло, керосиновая лампа горит над столом. А вокруг стола сидят ребята — два мальчика и две девочки. Большие, окованные медью счеты лежат перед ними. Ребята считают да бормочут:

— Двадцать лет, да еще пятьдесят, да сто в уме, да еще тридцать... Это вам, Сергей Владимирович. А это ваши, Ольга Капитоновна. А это вам, Марфа Власьевна. А это ваши, Пантелей Захарович.

«Что это за ребята? Почему они такие хмурые? Почему кряхтят они, и охают, и вздыхают, как настоящие старики? Почему называют друг друга по имени и отчеству? Зачем собрались они ночью здесь, в одиночной лесной избушке?».

Замер Петя Зубов, не дышит, ловит каждое слово.

Страшно ему стало от того, что услышал он.

Не мальчики и девочки, а злыя волшеб-

ники и злыя волшебницы сидели за столом и щелкали на счетах. Оказывается, так устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет. И вот поймали волшебники Петя Зубова, и еще одного мальчика, и еще двух девочек и превратили их в старииков. Состарились бедные дети и сами того не заметили. А время, потерянное ребятами, забрали волшебники себе. Стали волшебники малыми детьми, а ребята — старыми старииками. Сидят теперь волшебники, щелкают на счетах, делят украденное время. Как быть? Неужели так и не вернуть Петя потерянной молодости?

Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счеты в ствол и уйти. Но Сергей Владимирович, главный из них, сказал:

— Господа волшебники! Будьте осторожны. Знайте: ребята, которых мы превратили сегодня в старииков, еще могут помолодеть.

— Как?! — вскрикнули волшебники.

— Сейчас скажу, — ответил Сергей Владимирович.

Он вышел на цыпочках из домика, обогнул его кругом, вернулся, запер дверь на задвижку и поворотил палкой сено.

Петя Зубов замер, как мышка.

И злой волшебник не заметил мальчика. Подозвал он к себе остальных волшебников поближе и заговорил негромко:

— К сожалению, так устроено на свете: от любого несчастья может спастись человек. Если ребята, которых мы превратили в старииков, разыщут завтра друг друга, придут ровно в двенадцать часов ночи сюда, к нам, и повернут стрелку ходиков на семьдесят семь кругов обратно, то дети станут снова детьми, а мы погибнем.

Помолчали волшебники. Потом Ольга Капитоновна сказала:

— Откуда им все это узнать?

А Пантелей Захарович проворчал:

— Не придут они сюда к двенадцати часам иначе. Хоть на минутку, да опоздают.

А Марфа Власьевна пробормотала:

— Да куда им? Да где им? Эти лентяи до семидесяти семи и сосчитать не сумеют: сразу сбоятся.

— Так оно так, — ответил Сергей Владимирович: — А, все таки, пока что, держите ухо востро. Если доберутся ребята до ходиков, тронут стрелки, нам тогда и с места не сдвинуться. Ну, довольно болтать. Идем в город, на охоту.

И волшебники, спрятав счеты в стол, побежали прочь из домика, как дети, но при этом кряхтели они и охали, и вздыхали, как настоящие старики.

Дождался Петя Зубов, пока не затихли в лесу шаги. Выбрался из домика и, не те-

ря времени, прячась за деревьями и кустами, побежал, помчался в город искать стариков-школьников.

Город еще не проснулся. Темно было в окнах, пусто — на улицах, только милиционеры стояли на постах. Но вот забрезжил рассвет. Зазвенели первые трамваи. И увидел, наконец, Петя Зубов — идет, не спеша, по улице старушка с большой корзинкой.

Подбежал к ней Петя Зубов и спрашивал:

— Скажите, пожалуйста, бабушка, вы не школьница?

— Что, что? — спросила старушка сурьово.

— Вы не третьеклассница? — прошептал Петя робко.

А старушка как застучит ногами да как замахнется на Петю кэрзинкой! Еле Петя ноги унес.

Отдышался он немного — дальше пошел. А город уже совсем проснулся. Дворники поливают улицы. Летят трамваи. Спешат на работу люди. Грохочут грузовики: скорее, скорее, надо сдать грузы в магазины, на заводы, на железную дорогу. Сколько раз видел все это Петя Зубов и только теперь понял, почему так боятся люди не успеть, опоздать, отстать.

Оглядывается Петя, ищет стариков, но ни одного подходящего не находит. Бегут по улицам старики, но сразу видно — настоящие, не третьеклассники.

Вот старик с портфелем. Наверное, учитель. Вот старик с ведром и кистью — это, конечно, маляр. Вот мчится красная пожарная машина, а в машине — старик, начальник пожарной охраны города. Этот, конечно, никогда не терял времени понапрасну.

Ходит Петя, бродит, а молодых стариков, старых детей нет как нет. Жизнь кругом так и кипит. Один он, Петя, отстал, опоздал, не успел, ни на что не годен, никому не нужен.

Ровно в элдень запел Петя в маленький скверик и сел на скамеечку отдохнуть.

И вдруг вскочил.

Увидел он — сидит недалеко, на другой скамеечке, старушка и плачет.

Хотел подбежать к ней Петя, но не посмел.

— Подожду! — сказал он сам себе. — Посмотрю, что она дальше будет делать.

А старушка перестала вдруг плакать, сидит, ногами болтает. Потом достала из одного кармана газету, а из другого — кусок ситного с изюмом. Развернула старушка газету. Петя ахнул от радости: «Пионерская Правда». И принялась старушка читать и есть. Изюм выковыривает, а ситный не трогает.

Кончила старушка читать, спрятала газету и ситный и вдруг что-то увидела в траве. Наклонилась она и схватила мяч. Наверное, кто-нибудь из детей потерял его в сквере.

Оглядела старушка мячик со всех сторон, обтерла его старательно платочком, род к лесу.

подошла, не спеша, к дереву и давай играть в трешки.

Бросился к ней Петя через газон, через кусты. Бежит и кричит:

— Бабушка! Честное слово, вы — школьница!

Старушка подпрыгнула от радости, схватила Петя за руки и отвечает:

— Верно, верно! Я — ученица третьего класса, Маруся Поступова. А вы кто такой?

Рассказал Петя Марусе, кто он такой. Взялись они за руки, побежали искать двух остальных товарищей. искали час, другой, третий. Наконец, зашли во второй двор огромного дома. И видят: за деревянным сараем прыгает старушка. Нарисовала мелом на асфальте классы и скакает на одной ножке, гоняет камешки.

Бросились Петя и Маруся к ней.

— Бабушка, вы — школьница?

— Школьница, школьница! — отвечает старушка. — Ученица третьего класса, Наденька Соколова. Вы кто такие?

Рассказали ей Петя и Маруся, кто они такие. Взялись все трое за руки, побежали искать последнего своего товарища.

Но он, как сквозь землю провалился. Куда только ни заходили старики — и во дворы, и в сады, и в детские театры, и в детские кино, и в дом занимательной науки, — пропал мальчик, да и только.

Зашли они в парк и увидели: бегает по газону старик в очках, ловит сачком бабочку. Ребята к нему:

— Дедушка, вы не школьник?

— Нет, я — профессор, — ответил старик. — Мне надо узнать, что это за бабочка, как попала она сюда, в парк, ранней весной. До-виданья!

И побежал профессор за бабочкой быстро, как третьеклассник.

Ну, что тут делать? Где же ты, четвертый товарищ?

А время идет. Уже стало темнеть. Уже в нижних этажах домов зажегся свет. Кончается день. Что делать? Неужели все прошло?

Вдруг Маруся закричала:

— Смотрите! Смотрите!

Посмотрели Петя и Наденька и вот что увидели: летит трамвай девятый номер. А на «колбасе» висит старичок. Шапка лихо надвинута на ухо, борода развеселится по ветру. Едет старик и посвистывает. Товарищи его ищут, с ног сбились, а он катает себе по всему городу и в ус не дует!

Бросились ребята за трамваем вдогонку. На их счастье, зажегся на перекрестке красный огонь: остановился трамвай.

Схватили ребята «колбасника» за полы, оторвали от «колбасы».

— Ты — школьник? — спрашивают.

— А как же? — отвечает он. — Ученик второго класса, Вася Зайцев. А вам чего?

Рассказали ему ребята, кто они такие.

Чтобы не терять времени даром, сели они все четверо в трамвай и поехали за го-

родом. Какие-то школьники ехали в этом же трамвай. Встали они, уступают нашим старикам место.

— Садитесь, пожалуйста, дедушки, бабушки!

Смутились старики, покраснели и отка-зались.

А школьники, как нарочно, попались вежливые, воспитанные, просят стариков, уговаривают.

Тут, к счастью, подошел трамвай к лесу. Соскочили наши старики и в чащу бегом.

Но тут ждала их новая беда: заблудились они в лесу.

Наступила ночь темная-темная. Бродят старики по лесу, падают, спотыкаются, а дороги не находят.

— Ах, время, время! — говорит Петя.

— Бежит оно, время. Я вчера не заметил дорогу обратно к домику — боялся время потерять. А теперь вижу, что иногда лучше потратить немножко времени, чтобы по-том его сберечь.

Совсем выбились из сил старики. Но на их счастье, подул ветер, очистилось небо от туч, и засияла на небе полная луна.

Влез Петя Зубов на березу и увидел — вон он, домик, в двух шагах белеют его стены, светятся окна среди густых елок.

Спустился Петя вниз и шепнул товарищам:

— Тише! Ни слова! За мной!

Поползли ребята к домику. Заглянули осторожно в окно.

Ходики показывают без пяти минут двенадцать. Волшебники лежат на сене, бере-гут украденное время.

— Они спят! — сказала Маруся.

Тихо-тихо открыли ребята дверь и по-ползли к ходикам.

Без одной минуты двенадцать встали они у часов. Ровно в полночь протянул Петя руку к стрелкам и — раз, два, три! — закрутил их обратно, справа налево.

С криком вскочили волшебники, но не могли сдвинуться с места. Стоят и растут, растут. Вот превратились они во взрослых людей, вот седые волосы засияли на них на висках, покрылись морщинами щеки...

— Подымите меня! — закричал Петя.

— Я делаюсь маленьким, я не достаю до стрелок! Тридцать один, тридцать два, тридцать три...

Подняли товарищи Петю на руки. На сороковом обороте стрелок волшебники стали дряхлыми, сгорблеными старичками. Все ближе пригибали их к земле, все ниже становились они. И вот, на семьдесят седьмом, и последнем, обороте стрелок вскрикнули злые волшебники и пропали, как будто их и не было на свете.

Посмотрели ребята друг на друга и за-смеялись от радости. Они снова стали детьми. С бою взяли, чудом вернули они поте-риянное напрасно время.

Они-то спаслись, но ты помни: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет.

Ева Шварц.

ДЯДЯ СТЕПА

1.

В доме восемь дробь один
У заставы Ильича
Жил высокий гражданин
По прозванию «Каланча».

По фамилии Степанов
И по имени Степан,
Из районных великанов
Самый главный великан.

Уважали дядю Степу
За такую высоту.
Шел с работы дядя Степа —
Видно было за версту.

Лихо мерили шаги
Две огромные ноги;
Сорок пятого размера
Покупал он сапоги.

Он разыскивал на рынке
Величайшие ботинки,
Он разыскивал штаны
Небывалой ширины.

Купит с горем пополам,
Повернется к зеркалам, —
Вся портновская работа
Разъезжается по швам.

Он через любой забор
С мостовой глядел во двор.
Лай собаки поднимали,
Им казалось — лезет вор.

Брал в столовой дядя Степа
Для себя двойной обед,
Спать ложился дядя Степа —
Ноги клал на табурет.

Сидя, книги брал из шкапа,
И не раз ему в кино
Говорили: «Сядьте на пол!
Вам, товарищ, все равно».

Но зато на стадион
Проходил бесплатно он:
Пропускали дядю Степу —
Думали, что чемпион.

От ворот и до ворот
Знал в районе весь народ,
Где работает Степанов,
Где прописан,
Как живет,

Потому что всех быстрее,
Без особых трудов,
Он снимал ребятам змея
С телеграфных проводов.

И того, кто ростом мал,
На параде поднимал,

Потому что все должны
Видеть армию страны.

Все любили дядю Степу,
Уважали дядю Степу.
Был он самым лучшим другом
Всех ребят со всех дворов.

Он домой спешит с Арбата.
«Как живешь?», — кричат ребята.
Он чихнет — ребята хором:
«Дядя Степа, будь здоров!».

Дядя Степа утром рано
Быстро вскакивал с дивана,
Окна настежь открывал,
Душ холодный принимал.
Чистить зубы дядя Степа
Никогда не забывал.

2.

Человек сидит в седле,
Ноги тащит по земле, —
Это едет дядя Степа
По бульвару на осле.

«Вам, — кричат Степану люди, —
Нужно ехать на верблюде!».

3.

На верблюде он поехал —
Люди давятся от смеха:
«Эй, товарищ, вы откуда?
Вы раздавите верблюда!
Вам, при вашей вышине,
Нужно ехать на слоне!».

Дядя Степе две минуты
Остается до прыжка,
Он стоит под парашютом
И волнуется слегка.

А внизу народ хохочет:
«Вышка с вышки прыгать хочет!».

4.

В тир, под низенький навес,
Дядя Степа еще влез.

«Разрешите расплатиться,
Получите два рубля!
Я стреляю в эти птицы
И в названье корабля».

Оглядев с тревогой тир,
Говорит, в ответ, кассир:

«Вам придется на колени,
Дорогой товарищ, встать, —
Вы же можете мишени
Без ружья, рукой достать!».

5.

Состязание в футбол.
Забивают страшный гол.

Ничего не замечая,
«Восемь — ноль!», — свистит судья.
А ворота отвечают:
«Извиняюсь, это — я!».

6.

Над рекой летают чайки,
За рекой горит закат.
Дядя Степа в синей майке
Просит лодку напрокат.

Дядю Степу узнают,
Лодку с веслами дают.

«На здоровье, дядя Степа,
Вы заплатите потом!
Не забудьте, дядя Степа,
Наклониться под мостом».

7.

Паровоз летит, гудит,
Машинист вперед глядит.
Машинист за полустанком
Кочегару говорит:

«От вокзала до вокзала
Сделал рейсов я немало,
Но готов идти на спор —
Это — новый семафор!».

Подъезжают к семафору.
Что такое за обман?
Никакого семафора —
У пути стоит Степан.

Он стоит и говорит:
«Здесь дождями путь размыт.
Я нарочно поднял руку —
Показать, что путь закрыт!».

8.

Что случилось?
Что за крик?
Это тонет ученик!
Он упал с обрыва в реку —
Помогите человеку!

На глазах всего народа
Дядя Степа лезет в воду.

«Это — необыкновенно! —
Все кричат ему с моста, —
Вам, товарищ, по колено
Все глубокие места!».

Жив, здоров и невредим
Мальчик Вася Бородин.

За поступок благородный
Степу все благодарят.
«Попросите, что угодно!», —
Дядя Степе говорят.

«Мне не нужно ничего —
Я задаром спас его!».

9.

Дом пылает за углом,
Сто зевак стоят кругом.
Ставит лестницы команда,
Из брандспойтов тушат дом.

Весь чердак уже в огне,
Бьются голуби в окне.

На дворе в толпе ребят
Дядя Степа говорят:
«Неужели вместе с домом
Наши голуби сгорят?».

Дядя Степа с тротуара
Достает до чердака,
Сквозь сгонь и дым пожара
Тянется его рука.

Он окошко открывает.
Из окошка вылетают
Восемнадцать голубей,
А за ними воробей.

Дядя Степа благодарны:
Спас он птиц, и потому

Стать немедленно пожарным
Все советуют ему.

Но пожарникам в ответ
Говорят Степанов: «Нет!
Я во флот служить пойду:
Там я тоже подойду!».

10.

И однажды мимо моста
К дому восемь дробь один
Дядистепиного роста
Двигается гражданин.

Кто, товарищи, знаком
С этим видным моряком?
Он идет.
Скрипят снежинки
У него под каблуком.

В складку форменные брюки,
Он в шинели под ремнем,
В шерстяных перчатках руки,
Якоря блестят на нем.

Буквы золотом горят
И прохожим говорят,

Что идет моряк с линкора,
И зовут линкор «Марат».

И моряк подходит к дому,
Всем ребятам незнакомый.
И ребята тут ему
Говорят: «А вы к кому?».

Дядя Степа обернулся
И ответил: «Я вернулся!
Ночь не спал. Устал с дороги,
Не привыкли к суше ноги.
Отдохну. Надену китель.
На диване полежу.
После чая заходите —
Сто историй расскажу!».

И теперь горды ребята —
Пионеры, октябрьцы, —
Что знакомы с краснофлотцем,
С настоящим моряком.

Он домой спешит с Арбата.
«Как живешь?», — кричат ребята.
И теперь зовут ребята
Дядю Степу моряком.

Сергей Михалков.

(Детиздат. «Кораблики». 1938).

Советская география

В нашей стране очень много водных путей — в два раза больше, чем в Соединенных Штатах Америки, в десять раз больше, чем в Германии. Судоходные реки — Волга, Дон, Днепр, Обь, Енисей, Лена, Амур — пересекают весь Советский Союз из одного конца в другой. Это — самые дешевые дороги, — по ним не надо прокладывать рельсы, как на железных дорогах, их не надо мостить камнем, как шоссе.

Но наши реки часто текут не в ту сторону, куда нам надо. По ним не везде могут ходить баржи и пароходы, — многие реки загорожены порогами и мелями, а есть у нас и такие реки, до которых даже добраться трудно. Четыре больших сибирских реки — Обь, Енисей, Лена и Колыма — текут в Северное Полярное море, упираются в ледяной тупик. Дон — мелководен. Днепр загорожен порогами, а Волга — течет в Каспийское море, откуда нет никакого выхода в другие моря.

Наша столица — Москва стоит на очень мелководной реке. В эту реку не могут входить большие суда, и все грузы — лес, нефть, камень для построек — приходит везти в Москву по железной дороге.

Заводы и фабрики выпивают половину воды из Москва-реки. А наша столица все растет, заводов и фабрик становится все больше и больше, и через каких-нибудь пять-шесть лет воды в Москва-реке не останется, — всю до капли выпьет огромный город.

Надо переделать наши реки, чтобы они текли не туда, куда им хочется, а куда нам надо.

Еще много лет назад Волга была соединена каналами с Балтийским морем.

Но по этой дороге волжские пароходы и баржи ходить не могли. Они были слишком велики для старинных каналов.

Кто-то подсчитал, что куль хлеба, пока дойдет с Волги до Петербурга, семь раз «на крюке» побывает. Подцепит грузчик крюком тяжелый куль хлеба и перетащит с баржи на пристань, а с пристани этот куль взвалит на спину другой грузчик и перенесет на другую баржу... Это и стоило дорого, и времени много отнимало. Иной раз куль хлеба выезжал из Саратова осенью, а в Петербург попадал на следующий год.

А бревна и доски из заволжских лесов и совсем по каналам не везли. Бревно — товар недорогой. Значит, и перевозка должна быть дешевая. А если каждое бревно будет в дороге раз по пяти с одной баржи на другую перекатывать да за каждую перекатку платить и платить, так лучше уже это бревно и совсем не везти.

Уже давно надо было перестроить каналы, соединяющие Волгу с Балтийским морем. Давно надо было переделать и другие реки. Но царская Россия за это не принималась. Переделывать реки по-настоящему стали только при советской власти.

(Продолжение следует).

Н. Константинов.

Из детских разговоров

Трехлетний Кока, засыпая в непривычном Крыму, говорит:

«Мама, потуши солнце».

У Юры в носу понос.

Ой, мама, у меня под коленкой тошнит.

Трехлетний Леонид пожаловался: «Я — на один бок, я — на другой бок, я — на третий бок, я — на четвертый бок, я — на пятый бок, — все никак не могу заснуть».

Феликс вбежал в комнату и крикнул: «Мама, я хочу быть курсантом: их хоронят с музыкой — и шапка на гробу!».

У Вересаева, между прочим, записаны такие разговоры детей:

- Соня, у тебя есть папа?
- Есть.
- А зачем у тебя еще крестный папа?
- Запасной.

Корней Чуковский.

(Из книги «Маленькие дети»).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Со следующего номера, в журнале «Нашим детям» открывается почтовый ящик. Просят наших читателей писать нам по всем интересующим их вопросам.